

Артур Конан Дойл

Приключение с высокородным клиентом

*Часть сборника
Самые знаменитые
расследования Шерлока
Холмса*

Артур Конан Дойл

**Приключение с
высокородным клиентом**

«ЭКСМО»

1924

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Приключение с высокородным клиентом / А. Дойл — «Эксмо»,
1924

«Мы оба, и Холмс, и я, питали слабость к турецким баням. И, когда в приятной истоме мы покуривали в сушильне, я находил его менее сдержанным и более человечным, чем где-нибудь еще. В верхнем этаже этого заведения на Нортумберленд-авеню есть укромный уголок, где рядом стоят две кушетки, и на них-то мы и лежали 3 сентября 1902 года, когда начинается мой рассказ. Я спросил его, не намечается ли что-либо, и в ответ он высвободил из окутывавших его простынь длинную худую нервную руку и вытащил конверт из внутреннего кармана своего висящего рядом пиджака...»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Дойл А., 1924
© Эксмо, 1924

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Артур Конан Дойл

Приключение с высокородным клиентом

– Теперь это вреда не принесет, – был ответ мистера Шерлока Холмса, когда в десятый раз за столько же лет я попросил его разрешения представить публике следующий рассказ. Вот так я наконец получил его согласие сделать достоянием гласности дело, которое в некоторых отношениях было высшим моментом в карьере моего друга.

Мы оба, и Холмс, и я, питали слабость к турецким баням. И, когда в приятной истоме мы покуривали в сушильне, я находил его менее сдержанным и более человечным, чем где-нибудь еще. В верхнем этаже этого заведения на Нортумберленд-авеню есть укромный уголок, где рядом стоят две кушетки, и на них-то мы и лежали 3 сентября 1902 года, когда начинается мой рассказ. Я спросил его, не намечается ли что-либо, и в ответ он высвободил из окутывавших его простынь длинную худую нервную руку и вытащил конверт из внутреннего кармана своего висящего рядом пиджака.

– Возможно, это мелочная озабоченность самодовольного дурака, а возможно, это вопрос жизни и смерти, – сказал он, отдавая мне письмо. – Я знаю не более того, что сообщается тут.

Письмо было послано из клуба «Карлтон» и датировано прошлым вечером. Вот что я прочел:

«Сэр Джеймс Деймери выражает свое уважение мистеру Шерлоку Холмсу и нанесет ему визит в 4.30 завтра. Сэр Джеймс позволит себе сказать, что дело, о котором он желает посоветоваться с мистером Холмсом, очень щекотливое, но также крайне важное. Посему он уповает, что мистер Холмс приложит все усилия, чтобы эта встреча состоялась, и подтвердит это, протелефонировав в клуб «Карлтон».

– Вряд ли стоит говорить, что я подтвердил, – сказал Холмс, когда я вернул ему записку. – Вам что-нибудь известно про этого Деймери?

– Только что эта фамилия давно стала присловьем в высшем свете.

– Ну, я могу сказать вам чуть побольше. Он приобрел репутацию улаживателя щекотливых дел, которым лучше не попадать в газеты. Вы, возможно, помните о его переговорах с сэром Джорджем Льюисом касательно дела о завещании Хэммерфорда. Он светский человек с природным дипломатическим талантом. А потому есть основания надеяться, что это не ложная тревога и что он действительно нуждается в нашей помощи.

– Нашей?

– Ну, если вы будете так добры, Ватсон.

– Я буду польщен.

– Что же, вы знаете час – четыре тридцать. А до тех пор мы можем выкинуть это из головы.

В то время я жил в собственной квартире на Куин-Энн-стрит, но я был на Бейкер-стрит раньше назначенного времени. Точно в указанную половину пятого доложили о полковнике сэре Джеймсе Деймери. Вряд ли есть необходимость его описывать, так как многие, без сомнения, помнят этого дородного, грубовато-добродушного субъекта душа нараспашку, это широкое бритое лицо, а главное – этот приятный мягкий голос. Его серые ирландские глаза светились откровенностью, а его подвижные улыбающиеся губы дышали теплым юмором. Глянцевый цилиндр, темный сюртук, ну, словом, все до последних мелочей – от жемчужной булавки в черном атласном галстуке до бледно-зеленых гетр поверх лакированных штиблет – говорило о безупречной манере одеваться, которой он славился. В небольшой комнате этот крупный импозантный аристократ стал неоспоримым центром.

– Разумеется, я ожидал встретить тут доктора Ватсона, – сказал он с учтивым поклоном. – Его сотрудничество может оказаться даже необходимым, ибо, мистер Холмс, мы имеем дело с человеком, который привык прибегать к насилию и, в буквальном смысле слова, ни перед чем не остановится. Я бы сказал, что в Европе не найдется более опасной личности.

– У меня было несколько противников, к которым прилагалось это лестное определение, – сказал Холмс с улыбкой. – Вы не курите? Но, разрешите, я закурю мою трубку? Если ваш человек опаснее покойного профессора Мориарти или ныне живущего полковника Себастьяна Морана, то с ним, поистине, стоит познакомиться. Могу я узнать его имя?

– Вы что-нибудь слышали о бароне Грюнере?

– Вы имеете в виду австрийского убийцу?

Полковник Деймери со смехом поднял руки в лайковых перчатках.

– Вас в тупик не поставить, мистер Холмс! Значит, вы уже определили его как убийцу?

– Следить за подробностями преступлений на Континенте входит в мои обязанности. Да и у кого, кто читал о случившемся в Праге, может возникнуть сомнение в его виновности? Спасли его чисто формальная юридическая зацепка и подозрительная смерть свидетеля. В том, что он убил свою жену, когда на Шплюгенском перевале произошел несчастный случай, я уверен так, будто собственными глазами видел, как он это проделал. Я знал, кроме того, что он приехал в Англию, и предчувствовал, что рано или поздно он снабдит меня работой. Ну, так и что же затеял барон Грюнер? Полагаю, речь идет не о той трагедии?

– Нет, это даже еще более серьезно. Покарать преступление важно, но еще важнее предотвратить его. Ужасно, мистер Холмс, наблюдать, как у вас на глазах назревает нечто жуткое, готовится гнусная ловушка, ясно понимать, к чему это приведет, и тем не менее не иметь возможности что-либо предотвратить. Может ли человек оказаться в более ужасном положении?

– Пожалуй, нет.

– Тогда вы посочувствуете клиенту, в чьих интересах я действую?

– Я не понял, что вы лишь посредник. А кто заинтересованное лицо?

– Мистер Холмс, я вынужден просить вас не настаивать на этом вопросе. Крайне важно, чтобы я мог заверить его, что его благородное имя никоим образом не будет приплетено к делу. Его мотивы в высшей степени благородны и рыцарственны, но он предпочитает оставаться анонимным. Мне незачем упоминать, что ваш гонорар гарантирован и что вам будет предоставлена полная свобода действий. Полагаю, настоящее имя вашего клиента значения не имеет?

– Мне очень жаль, – сказал Холмс. – Я привык к тайнам в конце моих дел, но тайны с обоих концов, нет, это чересчур. Боюсь, сэр Джеймс, я должен воздержаться от участия.

Наш посетитель пришел в сильнейшее замешательство. Его большое выразительное лицо потемнело от волнения и разочарования.

– Вряд ли вы отдаете себе отчет, мистер Холмс, в последствиях вашего отказа, – сказал он. – Вы ставите меня перед крайне серьезной дилеммой, так как я абсолютно убежден, что вы были бы горды взяться за это дело, если бы я мог изложить вам факты, однако обещание не позволяет мне изложить их все. Могу ли я, по крайней мере, ознакомить вас хотя бы с тем, на что у меня есть право?

– Разумеется. При условии, что это меня ни к чему не обязывает.

– Натурально. Во-первых, вы, без сомнения, слышали о генерале де Мервилле?

– Де Мервилль? Герой Кибера? Да, я о нем слышал.

– У него есть дочь, Вайлет де Мервилль, молодая, богатая, красивая, наделенная талантами – чудо-женщина, одним словом. Вот эту дочь, эту прелестную невинную девушку, мы и пытаемся вырвать из когтей дьявола.

– Следовательно, барон Грюнер приобрел над ней какую-то власть?

– Самую сильную власть, когда речь идет о женщине, власть любви. Он, как, возможно, вы слышали, необыкновенно красив, с обаятельными манерами, чарующим голосом и той

романтической загадочностью, столь много значащей для женщин. Говорят, для прекрасного пола он неотразим и в полную меру использует этот факт.

– Но каким образом подобный человек мог познакомиться с аристократической барышней вроде мисс Вайлет де Мервилль?

– В плавании по Средиземноморью. Пассажиры, хотя и принадлежащие к избранному обществу, платили за себя. Несомненно, об истинной репутации барона организаторы плавания узнали, когда было уже поздно. Негодяй не отходил от нашей барышни и безвозвратно покорила ее сердце. Просто сказать, что она его любит, – значит не сказать ничего. Она его обожает, она им заворочена. В мире для нее существует только он один. Она не желает слушать ни единого слова против него. Было сделано все, чтобы излечить ее от этого безумия, но тщетно. Короче говоря, она намерена выйти за него в будущем месяце. Поскольку она совершеннолетняя и наделена железной волей, трудно придумать способ помешать ей.

– А про австрийский эпизод она знает?

– Хитрый дьявол рассказал ей про все непотребные скандалы в своем прошлом, но всякий раз представляя себя святым мучеником. Она категорически доверяет его версиям и никаких опровержений слушать не желает.

– Бог мой! Но ведь вы случайно назвали вашего клиента? Генерал де Мервилль, не так ли?

Наш посетитель заерзал в кресле.

– Я мог бы обмануть вас, мистер Холмс, подтвердив ваше предположение, но это было бы ложью. Де Мервилль совершенно разбит. Бравый воин полностью деморализован. Он поддался растерянности, чего на поле брани с ним никогда не случалось, и превратился в обессиленного дряхлого старика, никак не способного противостоять такому умному и волевому негодяю, как австриец. Однако мой клиент – близкий друг генерала, знающий его много лет и питающий отеческий интерес к этой девушке еще с тех пор, когда она ходила в коротких платьицах. Он не может допустить завершения этой трагедии, не попытавшись предотвратить ее. У Скотленд-Ярда нет никакого предлога вмешаться. И это он предложил обратиться к вам, но, как я уже говорил, с неколебимым условием, что лично он останется непричастным к этому делу. Я не сомневаюсь, мистер Холмс, что вы с вашими талантами можете без труда установить через меня, кто мой клиент, но я должен во имя чести просить вас этого не делать и не нарушать его инкогнито.

Холмс улыбнулся не без лукавства.

– Думаю, я могу спокойно обещать это, – сказал он. – Добавлю, что ваша проблема меня заинтересовала и я готов взяться за нее. Как мне поддерживать связь с вами?

– Через клуб «Карлтон». Но в случае неотложной необходимости вот мой личный телефонный номер: три римские десятки, тридцать один.

Холмс записал номер с той же улыбкой, но блокнот не закрыл.

– Адрес барона, будьте добры.

– «Вернон-Лодж» вблизи Кингстона. Дом большой. Он нажил на некоторых довольно темных сделках и очень богат, что, натурально, делает его еще более опасным противником.

– В настоящее время он там?

– Да.

– Можете ли вы сообщить мне про него что-либо еще сверх того, что уже сказали?

– У него дорогостоящие вкусы, и он заядлый лошади. Короткое время играл в поло за «Хэрлингем», но затем прошумело пражское дело, и ему пришлось уйти из клуба. Коллекционирует книги и картины. Его натуре свойственна немалая артистичность. Он, если не ошибаюсь, признанный знаток китайского фарфора и написал о нем книгу.

– Сложный характер, – заметил Холмс. – Как и все великие преступники. Мой старый друг Чарли Пис виртуозно играл на скрипке. Уэйнрайт был недурным художником. Я мог

бы назвать еще многих. Итак, сэр Джеймс, сообщите своему клиенту, что я займусь бароном Грюнером. Больше я ничего обещать не могу. У меня есть кое-какие собственные источники информации, и, полагаю, нам удастся найти подход к этому делу.

Когда наш посетитель попрощался с нами, Холмс так надолго погрузился в задумчивость, что у меня возникло ощущение, будто он забыл о моем присутствии. Но затем он бодро вернулся на землю.

– Ну-с, Ватсон, какие-нибудь соображения? – спросил он.

– Думаю, вам лучше самому поговорить с барышней.

– Мой дорогой Ватсон, если ее бедный сокрушенный старый отец не способен повлиять на нее, как мне, человеку постороннему, переубедить ее? Тем не менее эта идея может пригодиться, если все остальное не даст ничего. Но, полагаю, начать нам следует под другим углом. Думаю, тут сможет помочь Шинуэлл Джонсон.

Прежде у меня не было случая упомянуть Шинуэлла Джонсона в этих воспоминаниях, так как я редко выбирал случаи из поздних этапов карьеры моего друга. В первые годы нового века Джонсон стал ему полезным помощником. С сожалением должен сказать, что сначала Джонсон заслужил репутацию крайне опасного злодея и отбыл два срока в Паркхерсте. В конце концов он раскаялся и предложил свои услуги Холмсу, став его агентом в колоссальном преступном подполье Лондона, добывая сведения решающей важности. Будь Джонсон полицейским «лягашом», его скоро разоблачили бы, но, поскольку предоставляемая им информация никогда прямо на суде не фигурировала, его товарищи не подозревали о двойной игре, которую он вел. Ореол двух его сроков открывал ему *entrée*¹ во все ночные клубы, ночлежки и игорные притоны столицы, а его острая наблюдательность и цепкий ум делали его идеальным агентом для сбора информации. Вот к нему-то и решил прибегнуть Шерлок Холмс.

Мои неотложные профессиональные обязанности воспрепятствовали мне следить за немедленными действиями моего друга, но вечером я договорился встретиться с ним «У Симпсона», и там, сидя за столиком у окна и глядя вниз на потоки жизни, заполняющие Стрэнд, он рассказал мне кое-что из им предпринятого.

– Джонсон уже рыскает, – сказал он. – И возможно, соберет кое-какой полезный мусор в самых темных клоаках криминального подполья, поскольку разыскивать секреты этого человека приходится среди черных корней преступности.

¹ Зд.: доступ (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.